

Синдром заложника - тактика поведения

Став заложниками, люди меняются. Сначала почти у всех возникает шок и расщепление представления о том, что же случилось. Быть этого не может! Страшно, беспросветно. Всё это не со мной! Как в кино. Но это я и близкие люди оказались в кошмаре случившегося. Важный момент: здесь главное - не потеряться. Растерянности, конечно, не избежать, но нельзя потерять разума. В этот момент у некоторых ставших заложниками как бы срывается с предохранителя пружина протеста против совершаемого насилия. Такой человек кидается бежать, даже когда это бессмысленно, бросается на террориста, борется, выхватывает у него оружие. Безрассудно взбунтовавшегося заложника террористы убивают. Ведь и они, скорее всего, новички в такой ситуации. Их нервы давно перенапряжены подготовкой к захвату, страхом, сомнениями. Убивают безрассудного, даже если не хотели убийств и рассчитывали только поугагать, пошантажировать захватом заложников. После первого убийства все меняется. Преступность террористов возросла - они чувствуют себя обреченными и ожесточаются. И заложники, увидев реальную смерть - свою участь, подверглись сильнейшей психической травме. Ужас начинает рушить их психику.

Поэтому, если вы вдруг стали заложником, замрите, осмотритесь, прежде чем действовать. И, главное, подумайте: нет ли рядом кого-то, кто больше вас нуждается в помощи. Помогите.

Если сможете, - это первый шаг к вашему спасению.

Ещё один неверный шаг может сделать заложник из-за известной психиатрам иллюзии помилования. Как вспышка в вашем сознании может возникнуть представление, что всё не может быть столь ужасным, что всё плохое вот-вот пройдет. Надо только помириться с террористами, уговорить их, умолять, слезами взывать к их доброте.

Нет. Террористы, даже, если они почти такие же люди, как вы, из того же общества, уже живут не в вашем мире, у них теперь иная жизнь. Может быть, ещё не у всех, но среди них есть главари, ринувшиеся в бездну преступления. Они обрекли и себя, и вас на падение в бездну случившегося. Их остановит только насилие. Мольбы к ним могут стать вашим первым шагом к пособничеству преступникам, к предательству интересов других заложников, к преступному распаду вашей личности.

У заложников с первых дней начинается адаптация - приспособление, и психическое, и телесное, к, мягко говоря, свалившимся на них неудобствам. У адаптации есть "цена": нарушения душевные и телесные.

Вскоре притупляются ощущения и переживания. То, что возмущало или приводило в отчаяние, будет отскакивать от оцепенелого состояния, как от брони, нарастающей и защищающей заложника. Главное при этом - не утратить окончательно человеческого облика. Как удержаться? Помогать хоть кому-нибудь, хоть в чём-либо, а не только самому себе. Те, у кого, на горе им, в заложниках с ними их дети, близкие люди, те спасены от распада души, от потери человеческого лица.

Чего не удастся избежать заложникам - это апатичности и агрессивности, возникающих у них довольно скоро. Если условия содержания суровы, то уже через несколько часов кто-то из заложников начинает злобно вспыскивать, ругаться с соседями, может быть, даже со своими близкими. Такая агрессия помогает "сбрасывать" эмоциональное перенапряжение, но вместе с тем истощает человека.

Многие, напротив, впадают в апатию. Это тоже "уход" от эмоций страха и отчаяния. У одних реже, у других чаще апатия прерывается вспышками беспомощной агрессивности. Полностью этого не избежать.

Избежать надо пробуждения своего садизма, стремления, казалось бы, в праведном гневе наказать кого-либо слабого, глупого, заболевшего по своей вине, делающего что-то не то, что надо. Садизм - зверь, пробудившийся в душе, съедающий личность, оставляющий после себя растленность и гнусность. Ещё берегитесь быть увлечённым садизмом новоявленных лидеров из числа заложников, вдруг такие объявятся, не станьте их прихвостнем. Не "отмоетесь" после. Садизм заразен, особенно если вся атмосфера пронизана садизмом террора.

У заложников под дулом пистолетов сторожей-террористов, рядом с зарядом смертоносной взрывчатки или с канистрами надоедливо пахнущего бензина, при постоянной угрозе жизни и своей беспомощности - при всем этом у заложников могут развиваться шизофренические явления. Им может мерещиться, что оказавшиеся рядом давно умершие родители пришли на помощь, и звуки вроде бы начавшегося штурма освободителей, и голоса угрожающих террористов-захватчиков, и страшные животные в темноте.

Не бойтесь - вы не сошли с ума. Это пройдет не позже чем через две недели после освобождения. Дождитесь его. Не теряйте надежды, наделяйте ею других.

Оказавшиеся в заложниках ведут себя одинаково.

Нетерпеливо-отчаянных от 0 до 0,5 процентов. Таких неразумных может стать много больше (до 60 процентов), если "нетерпеливые" разожгут своей безрассудной отчаянностью "истероидных". Скрытых истериков много в

нашем населении, психически ослабленном десятилетиями унижений и лишений.

Если истероидным женщинам в критических ситуациях свойственны плач, причитания, метания с воплями и рыданием, то мужчины-истероиды становятся агрессивны. Они отвечают злобой, остервенелостью на всякое давление, притеснение. Их сопротивление врагам или опасным обстоятельствам может стать героическим. Это хорошо. Для них "героизм" опасен впоследствии, когда после освобождения начинают воспевать героев-заложников.

В разгар трагедии заложникам наиболее полезны те из их числа, кто нестигаем перед невзгодами, разумно смел и осторожен. Стрессовое давление укрепляет их стойкость. Они морально поддерживают других. Их может быть 5-12 процентов среди заложников. Стойкие помогают пережить заточение другим несчастным. Идите за ними. Помогая стойким - поможете себе.

Вместе с ними найдете в себе незамеченную раньше гордость и интеллектуальную одухотворенность.

Исследователи заложничества подчас ошибаются, причисляя к "стойким" и "нетерпеливо-отчаянных", и "агрессивных истероидов". Как отличить "стойких"? Они малозаметны, их добрые дела легко забываются (чтобы тем, кому они помогли, не отягчать души комплексами долга, раскаяния и зависти), если "стойкие" сами не заболели комплексом мессианства, не стали впоследствии "вождями" или "игроками".

Среди заложников много мятущихся в своем прилюдном одиночестве. Этих 30-50 процентов. Морально подавлены, психически оглушены. Их страдание заглушает все прочие чувства, мешает общению. У таких заложников монотония тягостного переживания страха и беспомощности может сопровождаться шизоидными явлениями. Чем дольше, сильнее, трагичнее давление экстремальных обстоятельств, чем глубже психическое изнурение заложников, тем больше их становятся такими, не находящими ни в чём и ни в ком поддержки, ищущими спасения в себе, находящими только душевное мучение. Что им делать? Им надо помогать.

Остальные, чем дольше заложничество, тем сильнее сближаются с захватившими их террористами. Их два типа. 10-25 процентов делают это с расчетом, почти сознательно, чтобы улучшить хоть сколько-нибудь свое существование, уменьшить угрозу террора лично для себя и своих близких. Это "приспешники" террористов. Они не однородны.

Есть расчетливо-разумные. И только слабость, надлом души или великий страх за близких людей толкает их к коллаборационизму. У них самооправдание: "Жертвуя собой, мы для пользы других пошли служить врагам. Мы не "предатели", а тайные "свои"".

Но есть расчётливо-злобные. Служа врагам, ищут возможность возвыситься при новой расстановке сил. И удовлетворить свои комплексы. Конечно, за счёт слабых заложников, притесняя их или, напротив, милостиво помогая. Последнее и оргастически им приятно, и после освобождения послужит оправданием их пособничества террористам.

Наконец, 20-30 процентов. Чем дольше их заложничество, тем сильнее они ощущают как бы родственную близость с захватившими их террористами, разделяя с ними их переживания и неприязнь к спасителям.

Эти заложники и после освобождения сочувствуют захватчикам, защищают их, арестованных. Опасность, общая для террористов и удерживаемых ими заложников, сплачивает, "роднит" одних с другими. Легковесным политикам и судебным следователям бывшие заложники начинают казаться "пособниками" захватчиков-террористов.

Есть мнение, что в Будённовске и других городах и поселках, где российские войска осаждали чеченцев, взявших заложников, у последних не было и в помине "синдрома заложника" с его биолого-психологическими механизмами, отмеченными выше. Журналист Андрей Бабицкий был с заложниками в Будённовске, затем во время их перемещения чеченцами по Чечне вплоть до освобождения. Он обратил внимание на сходство социально-политических ориентаций у русских заложников и у захватчиков-чеченцев. И те и другие в недавнем прошлом - "советские люди". Для них власть была враждебна. Она давила свободу, права, нередко и жизнь своих подданных. В несправедливости чеченской войны проглянуло лицо, казалось, ушедшей несправедливой власти. Снова террор против мирного населения: русского, чеченского, гибнущего под бомбами. Когда война под боком, её несправедливость очевидна. У русских, чеченских людей одни и те же эмоции, мотивации. Опираясь на трагический пафос своей жизни, заложники легко перестраиваются - "за террористов-захватчиков", вместе презирая и ненавидя Власть. Такими могут стать до 80 процентов заложников. Вот почему случаи перехода заложников на сторону захватчиков не случайны. Многие из них после освобождения нуждаются в психологической помощи, а то и в лечении душевных и телесных расстройств.